

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-163-167

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

МУГИНОВА З.Р.,

заместитель начальника кафедры
профессиональной подготовки Уфимского
юридического института МВД России,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ДИАЛЕКТИКА ДОКТРИНЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Проблема целеполагания в институте уголовного наказания сохраняет фундаментальное значение для правовой науки, поскольку именно через закрепленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение преступлений – определяется легитимность государственного принуждения. Высокий уровень рецидивной преступности на фоне сохраняющейся дискуссионности доктринального наполнения этих целей свидетельствует о наличии системного разрыва между нормативными установлениями и практикой их реализации. Исследование базируется на диалектическом методе познания социально-правовых явлений, а также на системно-структурном, формально-юридическом, историко-правовом и сравнительно-правовом подходах. Дополнительно применялся метод правового моделирования. В ходе работы выявлена внутренняя противоречивость действующей системы целеполагания, обусловленная конкуренцией ретрибутивных и утилитарных начал; установлено, что отсутствие легальных критериев достижения каждой из целей ведет к их декларативности. Аргументирована необходимость перехода к интегративной парадигме, включающей элементы восстановительного правосудия. Действующая конструкция нуждается в переосмыслении с учетом достижений пенологии и опыта Канады. Обоснована целесообразность дополнения перечня целей восстановительными компонентами и гармонизации положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: цели наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений, общая превенция, частная превенция, ретрибутивизм, утилитаризм, восстановительное правосудие, ресоциализация, уголовная политика.

MUGINOVA Z.R.,

Deputy Head of the Department of Professional
Training, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Police Major.
E-mail: (to be provided by the author if needed)

PUNISHMENT GOALS IN CRIMINAL LAW: DIALECTICS OF DOCTRINE, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT REALITY

Annotation. The problem of goal-setting in the institution of criminal punishment remains of fundamental importance for legal science, since the legitimacy of state coercion is determined precisely through the goals enshrined in Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation – restoration of social justice, correction of the convict and prevention of crimes. The high level of recidivism against the background of the ongoing discussion about the doctrinal content of these goals indicates a systemic gap between regulations and the practice of their implementation. The research is based on the dialectical method,

as well as system-structural, formal-legal, historical-legal and comparative legal approaches. The method of legal modeling was also applied. The work reveals the internal inconsistency of the current goal-setting system due to the competition of retributive and utilitarian principles; establishes that the absence of legal criteria for achieving each goal leads to their declarative nature. The necessity of transition to an integrative paradigm including elements of restorative justice is argued. The current legislative structure needs rethinking taking into account the achievements of penology and the experience of Canada. The expediency of supplementing the list of goals with restorative components and harmonizing the provisions of criminal and penal enforcement legislation is substantiated.

Key words: punishment goals, restoration of social justice, correction of the convict, crime prevention, general prevention, special prevention, retributivism, utilitarianism, restorative justice, resocialization, criminal policy.

Институт уголовного наказания обретает смысл лишь в контексте тех социальных результатов, на достижение которых он направлен. Часть 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации провозглашает три цели: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений. Однако разрыв между нормативной декларацией и практикой правоприменения становится всё более очевидным. Достаточно отметить, что, согласно эмпирическим данным, каждый третий осуждённый имеет неснятую и непогашенную судимость, что ставит под сомнение реализацию предупредительной функции [1, с. 79].

А.В. Сумачев прямо указывает на «низкую эффективность предупреждения преступлений со стороны осужденного (специального предупреждения) на основе показателя уровня рецидива преступлений» [2, с. 42]. Приведённые цифры заставляют задуматься о том, насколько существующая система целеполагания отвечает реальным возможностям уголовной юстиции.

В теоретической плоскости спектр мнений простирается от радикального предложения Е.Е. Мелюхановой полностью отказаться от законодательного закрепления целей, поскольку «наказание является следствием совершения преступления, самодостаточно и не нуждается в сущностном целеполагании» [3, с. 79], до настоятельных призывов к реформированию, ибо «от ее решения зависит эффективность судебной и уголовно-исполнительной деятельности» [4, с. 52]. Оставляя в стороне крайнюю позицию как способную породить ещё большую неопределённость, сосредоточимся на конструктивном анализе.

Философский фундамент пенологии образуют абсолютные (ретрибутивные), относительные (утилитарные) и смешанные теории. Первые, восходящие к категорическому императиву Канта и гегелевской диалектике, трактуют кару как самоцель; вторые, напротив, видят в ней инструмент превенции и исправления. Российский законодатель избрал компромиссный путь, поместив в одну норму и ретрибутивное начало (восстанов-

ление социальной справедливости), и утилитарные (исправление, предупреждение). Однако, как замечает

А.П. Альбов, «последующее неокантианское возрождение ретрибутивизма, утверждавшего наказание как моральный долг, лишь закрепило этот фундаментальный дуализм между справедливостью и целесообразностью» [5, с. 4]. Диалектическое «снятие» преступления и восстановительное правосудие мыслятся им как «не механический компромисс, а подлинный синтез, в рамках которого эффективная система юстиции преодолевает ложный выбор между прошлым (искуплением вины) и будущим (предупреждением преступлений)» [5, с. 5].

Историческая траектория российского уголовного права демонстрирует подвижность приоритетов: от компенсационных механизмов Русской Правды и устрашения в Судебниках до общей превенции Соборного уложения и исправительных начал XIX столетия. Советский период вовсе исключил возмездие из официального дискурса. Знаковым событием стало принятие УК РФ 1996 года, где впервые появилась цель восстановления социальной справедливости, причём она заняла первое место. Как подчёркивал Ю.М. Ткачевский, «восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания в послереволюционной России не предусматривалось; впервые эта цель введена в ч. 2 ст. 43 УК РФ 1996 года» [6, с. 15].

С.Т. Сулейманова, сравнивая российскую и канадскую доктрины, отмечает, что в последней обособляется теория восстановительного правосудия, что свидетельствует о различной степени интеграции восстановительных начал [7, с. 134].

Наименее проработанной в догматическом отношении остаётся именно цель восстановления социальной справедливости. Узкая трактовка сводит её к соразмерному воздаянию, широкая – к реституции нарушенных отношений и прав потерпевшего.

И.В. Дворянсков высказывает критическую точку зрения: «Цель наказания в конечном счете состоит в самом наказании и реализации его

функций (кары, возмездия, публичного порицания преступления, защиты общества от преступных посягательств)» [8, с. 370]. Не случайно и то, что Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ст. 1 упоминает лишь «исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами», оставляя восстановление справедливости за рамками процесса исполнения наказания. На практике нестыковки проявляются, например, при назначении штрафа за преступления с материальным ущербом: денежные средства поступают в бюджет, а потерпевший вынужден дополнительно прибегать к гражданскому иску, что противоречит идее восстановления его прав.

Центральное место среди утилитарных ориентиров занимает исправление осуждённого, которое дифференцируется на юридическое (специальная превенция) и социальное (нравственное), закреплённое в ст. 9 УИК РФ. Правовые позиции высших судов [11, с. 238] описывают этот процесс как формирование уважения к закону и общественным нормам с помощью режима, труда, обучения и психологического воздействия. Однако ключевой проблемой остаётся отсутствие «единых и четких критериев исправления» [9, с. 402], превращающее оценку в формальную процедуру. Более того, изоляция в местах лишения свободы, особенно для лиц, впервые преступивших закон, зачастую препятствует позитивным изменениям, погружая человека в криминальную субкультуру [9, с. 404]. Не случайно в литературе исправление характеризуется как «нравственно-юридическая категория, учитывающая социоадаптивные возможности конкретного лица» [9, с. 405].

Цель предупреждения преступлений в доктрине делится на общую и частную превенцию. Общеизвестно, что данная цель охватывает оба аспекта, что следует и из текста ст. 1 УИК РФ. Вместе с тем эмпирические исследования заставляют усомниться в эффективности общего предупреждения. Лица, склонные к правонарушениям, не испытывают страха перед наказанием; законопослушных граждан удерживают внутренние убеждения, а не угроза санкций. Частная превенция также даёт сбой: уровень рецидива среди отбывших лишение свободы колеблется в диапазоне 30–40%. Причины видятся в несовершенстве санкций – их несоответствии тяжести содеянного и чрезмерном альтернативизме [2, с. 44]. Е.Ю. Сергеева акцентирует внимание на необходимости смещения акцентов с гуманизма в сторону принципов законности, равенства, справедливости и вины [1, с. 81].

Системный анализ выявляет несколько сквозных дефектов. Прежде всего, три законодательно закреплённые цели внутренне конфлик-

туют: восстановление справедливости [11, с. 97] тяготеет к суровости, тогда как исправление и ресоциализация предполагают индивидуализацию и зачастую более мягкие меры. Особенно остро это противоречие проявляется при назначении длительных сроков лишения свободы [10, с. 75], которые, удовлетворяя ретрибутивным ожиданиям, одновременно разрушают социальные связи осуждённого и снижают шансы на успешную реинтеграцию.

Далее, ни одна из целей не обеспечена нормативно закреплёнными критериями, что переводит оценку их достижения в плоскость субъективных суждений. Исправительные и предупредительные ориентиры, по замечанию ряда авторов, «слишком формализованы и не предполагают научно проверяемых критериев» [9, с. 406]. Пенитенциарная система, перегруженная и не располагающая достаточными программами ресоциализации, сама продуцирует условия, препятствующие позитивной трансформации личности. Стигматизация после освобождения лишь усугубляет проблему. Выход видится в расширении практики наказаний, альтернативных лишению свободы, и развитию пробации. Наконец, несогласованность УК РФ и УИК РФ создаёт правовую неопределённость, которая позволяет И.В. Дворянскому сделать жёсткий вывод: «в существующем виде ни одна цель наказания не достижима в полном объеме» [8, с. 380].

Определённые ориентиры для совершенствования даёт зарубежный опыт. В Канаде, как показывает С.Т. Сулейманова, наряду с традиционными целями закреплены восстановительные – «обеспечение возмещения вреда, причиненного потерпевшим или обществу» и «содействие формированию у преступников чувства ответственности» [7, с. 140], что позволяет суду более гибко индивидуализировать наказание. Международные исследования подтверждают, что суровость кары не является ни лучшим средством борьбы с преступностью, ни эффективным способом снижения социального конфликта. Большинство жертв преступлений в первую очередь заинтересованы в реституции, а не в наказании виновного. Концепция восстановительного правосудия, смещая фокус с воздаяния на восстановление социальных связей и заглаживание вреда, предлагает жизнеспособную альтернативу. Как подчёркивает А.П. Альбов, «в такой модели соразмерность наказания деянию одновременно легитимизирует превентивное воздействие, а социальная реинтеграция осужденного не вступает в конфликт с идеей справедливого воздаяния» [5, с. 9]. В России медиативные процедуры пока не получили широкого распространения, что требует как просветительской работы, так и законодательных стимулов.

Обобщая изложенное, можно сформулиро-

вать несколько направлений реформирования. Во-первых, необходимо легальное раскрытие содержания цели восстановления социальной справедливости, включая в него и соразмерное воздаяние, и восстановление прав потерпевших. Во-вторых, целесообразно дополнить перечень целей восстановительными компонентами по каноническому образцу: возмещение вреда и формирование ответственности. В-третьих, уголовно-исполнительная политика должна сделать решительный поворот от изоляции к ресоциализации, что подразумевает расширение наказаний без лишения свободы и создание системы постпенитенциарного сопровождения. В-четвёртых, требуются нормативно закреплённые индикаторы, позволяющие объективно оценивать степень достижения каждой цели. В-пятых, следует устранить рассогласование между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, придав восстановлению справедливости определённое звучание и на стадии исполнения наказания, прежде всего в части обеспечения прав потерпевших. Наконец, развитие криминологической науки, нацеленной на устранение коренных причин преступности, должно стать приоритетом, ибо без этого любые репрессивные меры останутся паллиативом.

Подводя итог, можно констатировать, что триединая конструкция целей наказания, вопреки замыслу законодателя, не образует гармоничной системы. Декларативность многих положений, отсутствие критериев достижения, институциональная слабость пенитенциарной системы и внутренние противоречия между ретрибутивными и утилитарными ориентирами приводят к тому, что ни одна из целей в полном объёме не реализуется. Дальнейшее развитие уголовного и уголовно-исполнительного права должно быть связано с большей определённой, практической верифицируемостью и интеграцией восстановительных механизмов. Только такой подход способен обеспечить защиту прав граждан, восстановление социального мира и реальное предупреждение новых преступлений.

Список литературы:

- [1] Сергеева Е.Ю. Предупреждение преступлений: законодательство и практика // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 1. – С. 78–82.
- [2] Сумачев А.В. Уголовное наказание и противодействие преступности: теоретико-прикладной анализ // Вестник Югорского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 40–48.
- [3] Мелюханова Е.Е. Цель и задачи наказания // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – Вып. 2 (69). – С. 77–82.
- [4] Дворянсков И.В. Доктринальные основы целеполагания в институте наказания // Ведомо-

сти уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 7 (230). – С. 15–21.

[5] Альбов А.П. Диалектика наказания: от воздаяния к правовой необходимости // Сибирский юридический вестник. – 2025. – № 4 (111). – С. 3–10.

[6] Ткачевский Ю.М. Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и уголовно-исполнительного кодекса РФ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1998. – № 6. – С. 15–26.

[7] Сулейманова С.Т. Эволюция целей наказания в уголовном праве России и Канады // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – С. 132–145.

[8] Дворянсков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15, № 2 (54). – С. 370–380. Теоретико-прикладные проблемы, связанные с достижением цели уголовного наказания в виде исправления // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 4. – С. 399–408.

[9] Сычев А. И. Особенности исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных военнослужащих / А. И. Сычев // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 73–76. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.012. – EDN SQSKFG.

[10] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 1 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[11] Диваева, И. Р. О некоторых проблемных аспектах толкования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 238–242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

References:

- [1] Sergeeva E.Yu. Prevention of crimes: legislation and practice // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2020. – № 1. – S. 78–82.
- [2] Sumachev A.V. Criminal punishment and countering crime: theoretical and applied analysis // Bulletin of Ugra State University. – 2024. – № 1. – S. 40–48.
- [3] E.E. Melyukhanova. Purpose and tasks of punishment // Bulletin of Ugra State University. – 2023. – Issue 2 (69). – S. 77–82.
- [4] Dvoryanskov I.V. Doctrinal foundations of goal-setting at the institute of punishment // Vedomosti of the penal system. – 2021. – № 7 (230). – S. 15–21.
- [5] Albov A.P. Dialectic of punishment: from retribution to legal necessity // Siberian Legal Bulletin. – 2025. – № 4 (111). – S. 3–10.
- [6] Tkachevsky Yu.M. Restoration of social justice is the goal of criminal punishment and the

penal code of the Russian Federation // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. – 1998. – № 6. – S. 15-26.

[7] Suleymanova S.T. Evolution of the goals of punishment in the criminal law of Russia and Canada // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – S. 132-145.

[8] Dvoryanskov I.V. Conceptual problems of punishment goals // Penitentiary science. – 2021. – T. 15, NO. 2 (54). – S. 370-380. Theoretical and applied problems associated with achieving the goal of criminal punishment in the form of correction // Penal system: law, economics, management. – 2024. – № 4. – S. 399-408.

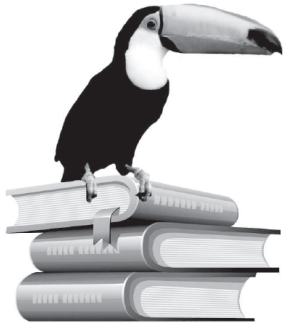
[9] Sychev A. I. Peculiarities of the execution of

criminal sentences against convicted servicemen/A. I. Sychev // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). – S. 73-76. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.012. – EDN SQSKFG.

[10] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook / I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. – 3rd ed., Per. And add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 1 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[11] Divaeva I. R. On some problematic aspects of the interpretation of criminal law and criminal procedure norms/I. R. Divaeva, M. S. Shaikhullin // Law and management. – 2024. – № 11. – S. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.